

«ДЕЛО ОБОЛЕНСКОГО» (БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ТЕРРОРИСТЫ)

В статье рассматривается одно из самых громких покушений начала XX в., исследуется состояние Боевой организации эсеров в первый год ее существования, проводится анализ поведения террористов, мотивации и апологии террора, его роли в Смуте конца XIX – начала XX вв.

Индивидуальный политический террор был индикатором Смуты в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Стимулируемый Смутой, он, в свою очередь, усиливал ее. Покушения и убийства совершали все революционные партии от анархистов до социал-демократов включительно. Доминировал террор партии эсеров. Он выделялся систематичностью и организованностью. Особое внимание эсеры уделяли мотивации террора. Совокупный тираж апологетической эсеровской литературы во славу «героев», «отдавших жизнь за народ», «во имя светлого будущего», исчислялся многими миллионами. Типичный образчик – «Воспоминания террориста» Б. В. Савинкова, переизданные за последние полтора–два десятилетия бесчисленное количество раз.

Начало эсеровскому террору положило убийство 2 апреля 1902 г. С. В. Балмашевым министра внутренних дел Д. С. Сипягина. На следующий день в Петербурге появилась изданная на циклографе прокламация «Боевой организации социалистов-революционеров». Идентичные прокламации были изданы в других городах. Позднее в пензенской типографии была отпечатана прокламация за подписью «Боевая организация партии социалистов-революционеров. 3 апреля 1902 г.» Боевую организацию (БО) создали Г. А. Гершуни, П. П. Крафт и М. М. Мельников. Они же на свой страх и риск инициировали покушение на Д. С. Сипягина. Никто из лидеров партии за границей не имел представления о реальной картине происшедшего [1, 2, с. 82, 83]. Балмашев во время следствия и суда ни словом не обмолвился о принадлежности к партии эсеров и ее Боевой организации.

М. Р. Гоца, В. М. Чернова, Л. Э. Шишко, а также других лидеров партии эсеров ввел в курс дела Г. А. Гершуни, появившийся за границей в начале мая 1902 г. Они санкционировали как Боевую организацию, так и покушение С. В. Балмашева. Свидетельств, что это сделал *in corpore* Саратовский ЦК, нет¹. Устав БО, составленный позднее, был, по выражению Б. В. Савинкова, «бумажкой».

Безоговорочным лидером БО являлся Г. А. Гершуни. П. П. Крафта и М. М. Мельникова он называл своими помощниками. Е. К. Брешко-Брешковская числилась «кассиром БО» [4]². Г. А. Гершуни, «диктатор» БО, дер-

¹ Скрупулезное расследование не выявило «прямых указаний на инициативу или подстрекательство членов Саратовской организации эсеров в покушении на Д. С. Сипягина» [3, с. 14]. Не выявила подобных фактов и судебно-следственная комиссия по делу Азефа. М. Р. Гоц по инициативе Г. А. Гершуни с мая 1902 г. стал заграничным представителем БО.

² Качура на допросе говорил: «В феврале 1902 г. Вейценфельд сообщил мне, что... «бабушка» была чем-то вроде кассирши «Боевой Организации», выдававшей деньги для поездок лиц, желавших примкнуть к этому кружку» [5, л. 95–96]. Летом этого же года Гершуни спрашивал Ф. К. Качуру, знаком ли он с «бабушкой» [5, л. 99].

жал все нити в своих руках, поверяя других в свои замыслы настолько, насколько находил нужным. «Исполнителями» считались С. В. Балмашев, Т. С. Бартошкин, Е. Е. Григорьев, Ю. Ф. Юрковская. Других «исполнителей» в первую половину 1902 г. не было¹. Сестры Д., Р. и Х. Рабинович регулярно привлекались Гершуни для сбора информации, издания прокламаций и т.д. Их квартира в Киеве была своеобразным пунктом, из которого Гершуни отправлялся в поездки и куда регулярно возвращался. Содействовали Боевой организации и обладали некоторой информацией о ней Е. И. Калиновская, в замужестве Блинова (Киев), Н. И. Блинов (Ефимов), С. Г. Клитчоглу (Саратов) [2, с. 88; 8, л. 22; 9].

Весна–лето 1902 г. знаменовались волнениями крестьян в Полтавской и в Харьковской губерниях. По мнению эсеров, которых захлестывали эмоции, события весны–лета 1902 г. подтвердили представления их предшественников об имманентной революционности и социалистической природе русского крестьянства, способного уже сейчас «бороться за свои права». Ввод войск, массовые аресты и порки и т.п. они квалифицировали как «кровавые злодеяния», за которые нужно отомстить.

В июне 1902 г. Гершуни вернулся в Россию и обосновался в Киеве, периодически разъезжал по России, минуя Петербург. В конце этого месяца ему представили кандидата на роль «исполнителя». Это был Ф. К. Качура – добродушный и улыбочивый, физически сильный человек. Родился он в семье чернорабочего, окончил сельскую школу. Юношей в поисках истины побывал на Новом Афоне, думал уйти в монастырь; летом 1897 г. два месяца провёл в Женеве; затем работал грузчиком в Новороссийске, а с 1900 г. – столяром в Екатеринославе. С 1897 и до конца 1901 гг. входил в социал-демократические кружки [5, л. 89, 94, 95; 10, л. 74; 11]. Свое мироощущение Качура, «яркий тип так называемого сознательного рабочего», запечатлел в наивных по содержанию рукописях «Мыслящее животное и человек», «Впечатление в поездке по России», «Мысль на Владимирской горе». Его брат, встретив его в ноябре 1901 г., поразился перемене: вместо прежней одежды простого рабочего Фома носил накрахмаленную сорочку, хороший пиджак и пальто. Ф. К. Качура сказал брату, что участвует в тайном кружке. На более подробные расспросы он со слезами на глазах отвечал: «Я не могу с тобой говорить» [5, л. 48–50; 12, л. 31, 56].

В апреле 1901 г. Ф. К. Качура познакомился с А. И. Вейценфельдом – лидером екатеринославской организации Рабочей партии политического освобождения России (РППОР), членом которой стал в конце года. Они часто встречались. Вейценфельд снабжал Качуру литературой, восторженно рассказывал о партии эсеров, терроре, Боевой организации. Говорил, что центр ее находится за границей, а отделения в Киеве и Петербурге и что, хотя сам он в ее состав не входит, может содействовать вступлению в нее. Возбужденный агитацией Вейценфельда, Качура решил стать террористом и присоединиться к БО. Вейценфельд дал ему адрес киевского знако-

¹ По версии Г. А. Гершуни накануне покушения на Д. С. Сипягина у него, наряду с Балмашевым, был на примете и второй «исполнитель», который случайно не прибыл вовремя [6, с. 68]. Е. К. Брешко-Брешковская, вроде бы, так комментировала этот рассказ: «Должно быть, просто-напросто решимость ему изменила». Впоследствии неизвестный помешался [7, л. 10–11].

мого Е. К. Брешко-Брешковской студента-медика Попова, который, по его словам, был членом киевской группы Боевой организации, и вручил 15 руб. на поездку¹ [13, л. 74].

В Киеве, куда Качура приехал в 25 февраля 1902 г., он по указанному Вейценфельдом адресу (ул. Большая Подвальная, д. 42, кв. 6.) ни Петрова, ни других боевиков не обнаружил, после чего обратился к организациям эсеров, РППОР и социал-демократов. За участие в демонстрации 21 апреля 1902 г. Качуру арестовали. Через месяц, 22 мая, освободили под гласный надзор полиции². В конце июня к Качуре неожиданно-негаданно явился Вейценфельд с известием, что, пока он находился в тюрьме, его разыскивали. Он сказал, что есть возможность либо в Киеве, либо в Харькове встретиться с представителем Боевой организации, и выдал 5 руб.

По цепочке Ф. К. Качуру доставили к Г. А. Гершуни, который приветствовал его решение вступить в БО и предложил устроить конспиративную квартиру для встреч с членами БО. На эти цели он дал Качуре 50 руб. В следующий раз они встретились в лесу. Гершуни «в сильных выражениях описывал жестокости» харьковского губернатора И. М. Оболенского при подавлении волнений крестьян. Также сказал, что накануне вечером он получил из Петербурга известие о постановлении Боевой организации убить Оболенского. Доверительно сообщил, что БО «поручила предложить исполнение этого приговора» Качуре. Фома Корнеевич колебался, но Гершуни был настойчив и добился согласия. «На память Боевой организации» он взял фотографию Качуры и, вручив 50 руб., велел отправиться в Харьков, где его должен был встретить представитель «разведочного бюро», отслеживающего Оболенского. Из Харькова Качуре следовало отправиться в Петербург, чтобы получить приговор Боевой организации. Со дня знакомства Гершуни не спускал с Качуры глаз [3, с. 10–11; 5, л. 97; 8].

Из Киева Качура выехал 23 июля³. На площади Харьковского вокзала утром 24 июля, к своему удивлению, он встретил Гершуни, который с порога объявил, что надобность ехать в Петербург отпала, поскольку оттуда «прислан член организации», Оболенского «выслеживают», «разведочное бюро» сделало все нужное», осталось лишь купить оружие и платье. Гершуни вручил Качуре 30 руб. и направил в магазин «Спорт» для покупки браунинга и 50 патронов. В магазине Качура по совету Гершуни заказал несколько охот-

¹ Позднее один из его бывших товарищей запальчиво доказывал, что Ф. К. Качура и до встречи с Г. А. Гершуни считал задачей «сознательных рабочих» поиски «решительных людей» – террористов, готовых «защищать массу» и убивать тех, «кто держит корону», включая царя, а когда услышал о приезде К. П. Победоносцева в Полтаву, то бросился искать деньги на покупку револьвера и поездку в Полтаву. Затем переживал: «Случай упущен» [11, 14]. В обстоятельных чистосердечных показаниях Ф. К. Качура указывал, что его террористические убеждения сформировались под влиянием А. И. Вейценфельда [5, л. 94–99]. Об этом же он говорил во время процесса Боевой организации [3, с. 10; 15, с. 9].

² Сам Качура говорил, что его арестовали 20 апреля. В «Обзоре важнейших дознаний за 1902 г.» написано: «Ф. К. Качура был арестован за участие в демонстрации 21 апреля 1902 г.».

³ Этим числом датировал свой выезд Ф. К. Качура. В «Заключении о преступном сообществе, присвоившем себе наименование Боевой организации партии социалистов революционеров» значится, что он «выбыл из Киева 19 июля, 22 июля его видели в Харькове» [5, л. 89].

ничьих ружей и револьверов. Завороженный крупным заказом, продавец выдал револьвер и патроны, не потребовав удостоверения личности. Гершуни, дождавшись на улице, забрал у Качуры браунинг и патроны.

Они виделись ежедневно. Во время встречи близ станции Дергачи 26 июля 1902 г. Гершуни известил Качуру, что приговор БО будет готов 28 июля. Он уговаривал его написать письмо о причинах, подвигнувших его к покушению на Оболенского. Качура находил это излишним, Гершуни настаивал: «Народ и рабочие должны знать». Как только Качура согласился, Гершуни тотчас же достал из кармана бумагу, чернильницу, ручку и стал диктовать «Письмо к рабочим и крестьянам», увещевая «писать по возможности четко», чтобы рукопись можно было размножить [3, с. 11; 5, л. 98].

Повествуя о разветвленной, могущественной, таинственной организации с «разведочными бюро» и другими подразделениями, с всезнающим неуловимым центром за границей и в Петербурге, А. И. Вейценфельд и Г. А. Гершуни вводили в обман, умышленно подстрекали простодушного рабочего. Вейценфельд, плохо говоривший по-русски и непосвященный во все тайны, возможно, отчасти верил в эмигрантские и петербургские центры могущественной Боевой организации. Гершуни доподлинно было известно: никакая БО в Петербурге ничего не постановляла, ничего Гершуни не поручала, никакого «члена» в Харьков не посылала и т.д. и т.п. В том же ряду мистификаций в духе «цель оправдывает средства» стояло письмо И. М. Оболенскому некоей дамы, знакомой Гершуни, с признанием в любви и приглашением на свидание в антракте спектакля в театре в саду Тиволи. Это анонимное письмо 27 июля около 7 часов вечера передала для вручения князю неизвестная, подъехавшая на извозчике к его дому¹ [7, л. 29].

28 июля Гершуни сообщил Качуре о приезде И. М. Оболенского и вручил ему «Приговор харьковскому губернатору князю Оболенскому» с пометой: «Боевая организация партии социалистов-революционеров. С.-Петербург. 22 июля 1902 г. № 2», а также браунинг, на котором было начертано: «За пролитую крестьянскую кровь. Боевая организация. Смерть царскому палачу». Браунинг был заряжен пулями, которые Гершуни, как и при покушении С. В. Балмашева, крестообразно распилил, надрез заполнил стрихнином, а сверху покрыл восковой пленкой. Он советовал попасть первой пулей, т.к. «она содержала больше яда». Испытания оружия привели Гершуни в восторг: пуля пробивала шестивершковую толщину дерева. В конце встречи он изъясил у Качуры все, по его мнению, лишнее: небольшой альбом, квитанцию на хранящуюся на вокзале корзину, автобиографию и даже гребенку [5, л. 98, 99; 12, л. 30; 16, с. 104; 17, л. 82].

Вечером 28 июля в саду Тиволи Качура встретил Оболенского, но стрелять не решился. Утром следующего дня Гершуни направил Качуру совершить покушение на Оболенского или на вокзале станции Веселая Лопань,

¹ Вот небольшой отрывок этого послания: «Что Вы со мной сделали, князь! Я сгораю со стыда, но не могу с собой совладать. Какою дьявольскою силой Вы приворожили меня и какой фатум преследует меня!.. Я решила сегодня инкогнито зайти в закрытый театр сада Тиволи. Во время первого или второго акта я пройду мимо Вашей ложи с белой розой в руке и сяду во втором ряду; я буду одета в черном, с черным же зонтиком. Меня здесь никто не знает» [5, л. 11, 12, 42; 10, л. 6; 12, л. 6; 16, с. 102, 106, 107]. По данным полицейского наблюдения, во время спектакля 29 июля Качура, «неизвестный господин» и дама гуляли в саду Тиволи.

или на даче князя около станции. Качура «по недостатку решимости» станцию миновал, доехал до Белгорода и вернулся в Харьков. На обратном пути Качура ехал в одном поезде с Оболенским и имел возможность стрелять в него на перроне вокзала, «но и тогда не хватило на это духу». Вечером 29 июля в саду Тиволи он «столкнулся» с Гершуни, который за ним следил. Усевшись рядом с Качурой на скамейку, Гершуни сообщил: князь находится в летнем театре сада, настало самое удобное время для покушения. «Теперь или никогда!» – говорил он. Взволнованный Качура хотел закурить, но Гершуни вырвал у него портсигар и папиросу. В этот момент И. М. Оболенский вышел из театра и направился в их сторону. Было около 10 часов вечера.

Князя сопровождали председатель губернской земской управы Гордеенко с супругой и член губернской земской управы А. А. Альховский. Качура приблизился к губернатору на расстояние двух шагов и выстрелил. Пуля лишь слегка контузила шею князя. «Заметив, что я промахнулся, я в состоянии какого-то столбняка стал думать, стрелять ли второй раз, но в это время меня схватили сзади за плечи», – описывал год спустя ситуацию террорист.

Согласно документам официального делопроизводства и судебно-следственным материалам, когда раздался первый выстрел, О. А. Гордеенко «быстро и крепко» схватила за руки Качуру, он выстрелил еще раз – пуля пролетела мимо¹. Подоспевшие пристав Сивиллов, околоточный надзиратель Шпигов и кандидат на полицейскую должность Клименко схватили стрелявшего и повалили на землю; пистолет, который у него пытались вырвать, он не выпускал. Раздалось еще три выстрела, одним из которых был ранен в ногу полицмейстер Бессонов.

При обыске в боковом кармане пиджака Качуры обнаружили пакет, подписанный: «Приговор Харьковскому губернатору князю Оболенскому». На допросе 30 июля 1902 г. террорист заявил, что он состоит в Боевой организации партии социалистов-революционеров, по постановлению которой покушался на жизнь князя Оболенского, и отказывается участвовать в допросах, следствии и суде. При этом подчеркнул, что ранил полицмейстера не умышленно, а в результате несчастного случая.

«Дело о преступном сообществе, присвоившем себе наименование «Боевая организация партии социалистов-революционеров» и о члене этого сообщества крестьянине с. Лузановки Черкасского уезда Киевской губернии Фоме Корнеевиче Качуре 26 лет, покушавшемся на жизнь харьковского губернатора Оболенского» рассмотрел на заседании 25 октября 1902 г. в г. Харькове Киевский военно-окружной суд. Заседание продолжалось с 11 часов утра до 3 часов пополудни. Качура отказался от защитника и сам лично не пожелал ничего сказать в свое оправдание. Подсудимый вел себя,

¹ Существуют две версии действий О. А. Гордеенко. По свидетельству И. М. Оболенского и О. А. Гордеенко, как только раздался первый выстрел, супруга председателя губернской земской управы, схватила Ф. К. Качуру за руку и не выпускала ее до тех пор, пока покушавшегося не свалили на землю. Остальные очевидцы происшествия не заметили «участия госпожи Гордеенко в предотвращении угрожавшей князю Оболенскому опасности». В «Обвинительном акте по делу о «Боевой организации партии социалистов-революционеров» и члене этого сообщества крестьянине с. Лузановки Черкасского уезда Киевской губернии Фоме Корнеевиче Качуре» отражена первая версия, в рапорте прокурора Харьковской судебной палаты – вторая [5, л. 10, 11, 42, 76, 77, 88, 89; 12, л. 6, 7; 16, с. 102–105].

по наблюдениям прокурора, «спокойно и прилично». Он заявил, что, будучи членом Боевой организации партии эсеров, по ее постановлению покушался на жизнь князя Оболенского, вооруженного сопротивления чинам полиции не оказывал, а ротмистра Бессонова ранил случайно. Свидетельские показания комментировал кратко: либо отрицал их, либо ограничивался фразой: «Пусть будет так, все равно». Качуре был вынесен следующий приговор: «Смертная казнь через повешение». Выслушав его, он, обращаясь к судьям, с улыбкой произнес: «Благодарю». Кассационную жалобу и прошение о помиловании он подавать отказался [17, л. 71–73].

Прощение на имя императора подал князь И. М. Оболенский: «На меня, как на должностное лицо – Харьковского губернатора, было произведено покушение. Человек, решившийся на такое дело и исполнивший все от него зависевшее, чтобы достигнуть цели, должен в интересах государства и правосудия претерпеть наказание. И какова бы ни была тяжесть этого наказания, я вступиться за его участь, конечно, не смею. Но кроме обычных наказаний, могущих ожидать покусившегося на мою жизнь, к нему может быть применена и смертная казнь. Ввиду этой возможности все мое семейство: мать моя, жена и две дочери – дерзают молить Ваше императорское величество оказать человеку этому милосердие, даровав ему жизнь, если суд приговорит его к смерти. Мы глубоко веруем, государь, чтобы эта явленная нам милость Божия рукой Вашего величества коснулась и самого виновника. Горько было бы сознавать семье моей, что их сын, отец и муж явится причиной смерти другого. Вашего императорского величества верноподданный князь Иван Оболенский». Николай II «в уважение всеподданнейшего ходатайства князя Оболенского» 7 ноября 1902 г. повелел заменить смертную казнь Ф. К. Качуре ссылкой на каторжные работы без срока [13, л. 55; 17, л. 78].

Партия эсеров озаботилась агитационным обеспечением событий 29 июля 1902 г. Суммарный тираж прокламаций, брошюр, газетных и журнальных публикаций с учетом переизданий, в том числе и местными организациями, составлял десятки и десятки тысяч экземпляров. Разнообразные по жанру публикации (заявления БО, воспоминания, письма, портретные зарисовки) были обращены к различным слоям населения. Наиболее распространяемые из них: «Приговор харьковскому губернатору И. М. Оболенскому», «Почему стреляли в харьковского губернатора», «Покушения на князя Оболенского», «Письма рабочего-героя к товарищам и крестьянам», «Жизнь рабочего-революционера Ф. К. Качуры, описанная им самим» – были либо написаны, либо продиктованы Г. А. Гершуни. Подчеркивалось, что покушение по инициативе БО партии эсеров совершил член партии [11, 18].

Эсеры представили Боевую организацию защитницей надежд и чаяний народа, «принявшей на себя охрану интересов борющейся трудящейся массы», мстительницей «за сотни опозоренных и измученных людей», по «всенародному приговору» «вынужденной выполнить лежащий на ней гражданский долг и сместить кн. Оболенского». Власть они изображали как средоточие абсолютного зла. Николай II в их представлении – «царь-недоумок», «изувер», вместе с министрами, губернаторами и войском стоящий «за фабрикантов». Министр внутренних дел В. К. Плеве – «еще худший палач», нежели Д. С. Сипягин, «главный исполнитель жестоких царских приказов», «страшный притеснитель народа», смотрящий «на народ как крепостную скотину», совершивший «столько зла, столько насилий... над людьми и их

совестью, что и перечислить их нет возможности». «Деспот», «изверг и палач», «демон-мучитель», «царский опричник», «злейший враг трудового народа» И. М. Оболенский в 1901 г., как писали эсеры, «не позволял добрым людям помогать голодающим крестьянам», в 1902 г., «пользуясь неограниченной властью, применял к крестьянам, ищущим хлеб, зверские меры». Согласно его приказу и под его «предводительством» «избивали безоружных крестьян, пороли до смерти целые деревни», в то время как он «приговаривал: «Вот видите, злонамеренные люди, социалисты вас научили бунтовать <...> а где же теперь ваши друзья-социалисты? Они спрятались за вашими спинами, они пируют на свободе».

Мрачным злодейским типам слуг самодержавия противопоставлялся светлый жертвенный образ «народного героя» Ф. К. Качуры. Особенно подчеркивалась его принадлежность к рабочим. Он «любил народ», не мог снести несправедливости, «смело и радостно пошел на верную смерть». «Его повесят, его не пощадят», – прорицали эсеровские публицисты. Завершалось все высокой трагической нотой: «И отныне чистой кровью Фомы Качуренко навеки связана крестьянская и рабочая борьба». Само покушение рисовалось эпически. Ф. К. Качура в крылатке приблизился к князю Оболенскому, «окруженному со всех сторон полицией, и бросил ему в лицо какой-то пакет», а затем выстрелил. На него набросились полицмейстер, околоточные, городовые «в числе человек 10-ти». Но Качура, «человек громадной физической силы, как щепки, раскидал нападавших на него и, жадно глядя вслед удалявшемуся губернатору, выстрелил еще раз». Полиция, как говорилось далее, «страшно избила его». «Собравшейся толпе Качура успел крикнуть: «Помните, господа, так наша партия поступает с врагами народа». Эсеров не смущило несоответствие их изложения событий реальности [12, л. 30; 19–26].

Оппозиционно настроенные либералы благожелательно восприняли известие о покушении на И. М. Оболенского. Появление неведомой Боевой организации, покушения Балмашева и Качуры, крестьянские волнения крайне встревожили власти и побудили их приступить к реорганизации сыскных органов. Было разработано и утверждено положение об учреждении охранных отделений. А. А. Лопухина назначили директором Департамента полиции, С. В. Зубатова – начальником Особого отдела Департамента полиции, Л. А. Ратаева – заведующим заграничным охранным отделением. Был увеличен штат филеров. Летучий отряд филеров Е. П. Медникова перевели из Москвы в Петербург. От политического сыска требовали эффективных действий против Боевой организации.

Отбывая наказание в Шлиссельбургской крепости, Ф. К. Качура 15 июля 1903 г. написал заявление о своем раскаянии, был вызван на допрос и дал откровенные показания, которые затем подтвердил на процессе Г. А. Гершуни, А. И. Вейценфельда и др. Он не обелял себя и не очернял других [5, л. 92–99; 8, л. 2–17; 27]. Свое состояние накануне и во время покушения он выразил словами: «Все это было сделано мною в состоянии какого-то угара, созданного чтением революционной литературы и влиянием агитаторов». Гершуни «настолько подчинил его своей воле, что он стал слепо верить, что убийство Оболенского есть заслуга перед обществом» [5, л. 10, 11, 22, 28, 42, 99; 12, л. 6, 7; 13, л. 6, 7; 28].

Обстоятельные чистосердечные свидетельства Ф. К. Качуры во время процесса в Петербургском военно-окружном суде (18–25 февраля 1904 г.)

произвели огромное впечатление. Он говорил о вреде, который наносят своими действиями революционеры, не пытался выгородить себя и свалить вину на других. Эти показания, как огорченно признавали редакторы «Революционной России», нанесли БО удар такой же силы, какой нанесли «Народной воле» признания Рысакова. Защитники Г. А. Гершуни и А. И. Вейценфельда (Н. П. Карабчевский, Б. Г. Барт, М. Л. Мандельштам, М. В. Бернштам) просили подвергнуть Ф. К. Качуру психиатрической врачебной экспертизе. Суд отверг претензии защиты как безосновательные. Идея о психической ненормальности Качуры была подхвачена и эсерами. «Человеком теперь ненормальным, производящим страшно несчастное впечатление», называли они его [29–31]. Качуру обвиняли в неискренности, в оговоре. «Он мог бы порассказать, сколько труда ему стоило добиться санкции Боевой организации и как долго и настойчиво его уговаривали отказаться от принятого решения», – утверждал Гершуни [6, с. 78; 15, с. 6]¹.

Каторжные работы Ф. К. Качуре в апреле 1904 г. заменили ссылкой на поселение в Сибирь сроком на 10 лет. Согласно указу от 21 октября 1905 г., срок ссылки сократили до четырех лет, а 31 мая 1906 г. ему разрешили отбывать наказание по месту проживания родителей в Архангельской губернии [17, л. 102, 103, 107, 109]. С весны 1904 г. революционные издания не упоминали о «народном герое». Его имя кануло в лету.

Список литературы

1. Показания В. М. Чернова по делу Азефа // Новый журнал. – 1970. – № 100. – С. 304.
2. Письма Азефа. 1893–1917. – М., 1994.
3. Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях Империи за 1902 г. – СПб., 1903.
4. Обвинительный акт о мешчанке из ссыльных Екатерине Константиновне Брешко-Брешковской и погомственном дворянине Николае Васильевиче Чайковском // Знамя Труда. – 1911. – № 28, 29.
5. ГАРФ. Ф.124. Оп. 1902 г. Д.773.
6. Гершуни, Г. А. Из недавнего прошлого / Г. А. Гершуни. – М., 1917.
7. ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 85.
8. ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 1595.
9. ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп. 316. 1898 г. Д. 1. Ч. 16. Лит. А. Т. 2. Л. 32.
10. ГАРФ. Ф.102. ДП. 7-е д-во. Оп. 1902 г. Д. 1171.
11. РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 68.
12. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1902 г. Д. 815.
13. ГАРФ. Ф. 102. ДП. 7-е д-во. Оп. 1902 г. Д. 1171.
14. Рабочий. Воспоминания о Фоме Качуре // Революционная Россия. – 1903. – № 28. – С. 8–13.
15. Революционная Россия. – 1904. – № 44.
16. Былое. – 1906. – № 6.
17. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 993.
18. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 273. Л. 15,16.

¹ В примечании к опубликованной в этом журнале «Речи Гершуни [во время процесса Г. А. Гершуни, А. И. Вейценфельда, М. М. Мельникова и др.]» (четыре страницы газетного текста) редакторы газеты М. Р. Гоц, В. М. Чернов, Л. Э. Шишко оговаривались: «Речь эта предназначалась Г. А. Гершуни для произнесения на суде, но по слухам не могла быть произнесена целиком». Судебно-следственные материалы выступления Гершуни не содержат.

19. ОРК ГОПБ. ЦЛ 18–216. 1902. VII. 29.
20. ОРК ГОПБ. ЦЛ 18. 217. 1902. VII. 29.
21. ОРК ГОПБ. ЦЛ 18. 217. 1902. VII. 30
22. Революционная Россия. – 1902. – № 10. – С. 24.
23. Революционная Россия. – 1902. – № 11. – С. 1, 2.
24. Народное дело. – 1902. – № 1 – С. 4–10.
25. Народное дело. – 1902. – №2. – С .3–32.
26. Письма рабочего-героя к товарищам и крестьянам. – Женева, 1902. – С. 3.
27. ГАРФ. 102. ДП. Оп. 314. Д. 31. Л. 59:
28. Дело Гершуни или так называемой Боевой Организации. – СПб., 1907. – С. 39.
29. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 993.
30. Революционная Россия. – 1904. – № 43. – С. 7–10.
31. Памяти Г. А. Гершуни. – Париж, 1908.